

Александр Кузьмич БАБОРЕКО — автор книги «И. А. Бунин: «Материалы для биографии...», вышедшей в издательстве «Художественная литература» двумя изданиями — в 60-е и 80-е годы. Долгое время она оставалась у нас единственным достоверным путеводителем по жизни и творчеству писателя. А начинал исследователь еще в 50-е — с поиска людей, лично знавших Бунина, хранителей архивных материалов. Мин го позже участвовал в работе над двумя томами бунинского «Литературного наследия». Три года назад выдустил в свет наиболее авторитетное издание «Окаянных дней» (М. «Советский писатель»). Сегодня готовит Собрание сочинений Бунина в восьми томах.

— Имя Бунина уже более 40 лет знакомо современному отечественному читателю; с разрывом в 20 лет вышли девятитомное и шеститомное собрание его сочинений. Ничего подобного, и сожалению, нельзя сказать о других писателях-эмигрантах — Набокове, Алданове, Зайцеве... Почему же сегодня возникла потребность еще одного собрания Бунина?

— Перечисленные вами издания, конечно, были весьма смелыми для своего времени. Тем не менее они сильно пострадали от цензуры — коснулось это и состава, и комментариев. Время кардинально изменилось, и за реализацией проекта, по существу, первого бесцензурного Бунина взялось издательство «Московский рабочий». Идет подписка. Бунин сегодня оказался крайне актуален (еще Достоевский заметил, что искусство всегда актуально), отвечает нашему времени, многое в нем объясняя. В 1917 году сбылись пророчества героя «Бесов» Петра Верховенского, предвещавшего наступление времени, когда будут разрушены основы государственности и нравственности. Бунин, ставший к тому времени знаменитым русским писателем-академиком, переживал это как личную трагедию, вылившуюся не только в знаменитые сегодня «Окаянные дни» (книгу эту теперь читают даже политики, недавно на нее ссылались Горбачев и Бакатин). Писатель в своих статьях, дневниках открыто высказывался против зла и насилия. Так, 20 октября 1919 года в одесской газете «Южное слово» он публикует статью против еврейских погромов, которая звучит для нас как предостережение: «Опять еврейские погромы. До революции они были редким, исключительным явлением. За последние два года они стали явлением действительно бытовым, чуть не ежедневным... Надо одуматься тем, кто призывает к вражде, к сваткам, приглаголяет «в борьбе обрести право свое» или откровенно ревет на всех перекрестках: «смерть, смерть!» — неустанно будя в народе зверя, натравливая человека на человека, класс на класс, выкидывая всяческие красные или черные хоругви с изображением белых черепов...»

— Похоже на нынешние митинги... — Мешаются потоки еврейской крови с реками крови, льющейся на всех фронтах нашей ужасающей в своей нелепости гражданской войны и ныне. Стихийность народной злобы, дико распаленной за годы великого русского бунта, еще бушует с страшной силой». И как итог: Бунин выступает против всяческих злодеяний, называемых революцией. Или статья «Заметки», ксерокопию которой мне прислали из Лидского университета в Англии (в двух редакциях она печата-

Окаянные дни «Под серпом и молотом», Бунин без купюр

лась в нынешней петербургской газете «Литератор»). В девятнадцатом году речь шла о большевистском народовластии, и Бунин говорит: «Из русского «народовластия» выйдет опять гнуснейшая и кровавейшая чепуха, — видели мы и видим это «народовластие», показало оно себя». И, наконец, еще одно заявление: «Да я и не думаю скрываться. Я теперь кое-что почувствовал и продумал. Имею истинно-лютую ненависть, истинно-лютое презрение к революциям. Да и можно ли не иметь этих чувств в эти дни, каким нужно обладать твердокаменным сердцем, чтобы долбить о республиках... в такой ситуации, находясь под пятой торжествующих мерзавцев, извергов и хамов».

— Эти материалы войдут в Собрание сочинений? — Безусловно. В целом в него включено около 40 статей, в основном эмигрантского периода, не входивших в предыдущие собрания: «Июния и Китеж», «Миссия русской эмиграции», «Записная книжка (О калмыках)», публиковавшиеся в сборнике «Окаянные дни», и другие, не печатавшиеся у нас: «Красный гимн», «Самогонка и шампанское», «Горький и большевики», «День русской культуры в 1926 году» (это тоже о Горьком). Называю выборочно.

— Известно, что отношение Бунина к Горькому прошло эволюцию «от любви — до ненависти».

— Это не совсем так. Любви не было никогда. Скажем, Бунин посвятил Горькому поэму «Листопад». И в то же время на полях книги А. Волкова «Очерки русской литературы конца XIX и начала XX веков» (ГИХЛ, 1952) на странице 368-й, рядом с фразой «Уже в 1900 году Бунин посвящает Горькому поэму «Листопад», — Бунин ставит вопросительный знак и пишет: «по его, Горького, бесстыдной просьбе». Дело в том, что Бунин был человеком бескомпромиссным и потому не терпел приспосабливательства ни в жизни, ни в литературе. А это все было у Горького. Не о его ли последователях Бунин писал в одной из не опубликованных у нас до сих пор статей: «Количество поддельных растет под художеством все растет и растет, и читатель питается уже мастеровщиной, либеральной лживостью, обязательным народолюбием, пошлейшим трафаретом...» А чего стоят высказывания Горького о чекистах, когда он говорил примерно следующее: черти вы эдакие! вы и сами не знаете, какое доброе дело творите. Побывав на Соловках, весьма одобрительно высказывался о лагерях как о средстве перевоспитания. Бунин таких вещей не прощал. В Собрании сочинений можно

будет увидеть ксерокопию неопубликованного письма (предположительно к Алданову), полученного из Колумбийского университета: «Вы, верно, читали «памфлет» Горького о Франции (1906)... Во всемирной литературе нет ничего равного этому по хамской подлости и глупости, по наглости зазнавшегося скота».

Подобные оценки людей, которых Бунин решительно не принимал, вообще характерны для его корреспонденций. Так, в письме к М. Алданову от 10 марта 1953 года он произносит приговор Сталину: «Вот наконец издох скот и зверь, обожравшийся кровью человеческой, а лучше ли будет при этом животном, как-то Маленкове, и Берии? Сперва, вероятно, будут некоторое время обманывать кое-какими послаблениями, улучшениями». Ксерокопия этого неопубликованного письма передана профессором Константином Ипполитовичем Каллауром благодаря любезному содействию сотрудницы «Московского рабочего» Софьи Митрохиной. Им же в Россию переправлены копии писем Бунина к Алданову и Андрею Седых и некоторые ответные.

— Каким образом эти письма оказались в Америке?

— В Колумбийский университет попали не только письма Бунина, но и большой, отобранный им самим архив. В одном из его писем промелькнула фраза: «Вот, готовлю мой архивчик для передачи в Колумбийский университет». Оказывается, в конце 40-х — начале 50-х годов при деятельном участии бывшего русского посла в Америке Вахметова в Нью-Йорке был создан «Русский архив», который позже был передан в Колумбийский университет. По просьбе Алданова, для него Бунин и отобрал важнейшие свои материалы. Среди присланного профессором Каллауром есть «краткое резюме описи личного архива И. А. Бунина». И выясняется, что это 53 (!) папки с рукописями, рецензиями, статьями и заметками в эмигрантской прессе, статьи, стихи, рассказы, опубликованные в русских газетах и журналах, переводы, иностранная пресса, целая папка с надписью «Нобелевская премия»... Главная ценность этих документов в том, что они отобраны самим Буниным. Издательство очень надеется получить ксерокопии архивных материалов Бунина из Колумбийского университета, которые необычайно обогатили бы Собрание сочинений.

— Каким будет иллюстрационный материал? — В каждом томе — альбом иллюстраций: 32 полосы и еще 16 полос — в тексте. Суперобложки украсят портреты Бунина разных периодов. В

первом томе будут репродуцированы бунинские заметки на полях собрания сочинений Пушкина. Книги прислали Милией Грин из Эдинбургского университета и переданы мной затем в Российскую государственную библиотеку. Там единственный сохранившийся рисунок писателя (хотя известно, что он недурно рисовал) — портрет хазара на полях «Песни о вещем Олеге». Или строки из «Бориса Годунова», отчеркнутые рукой Бунина:

О страшное, невиданное горе!
Прогневли мы Бога, согрешили:
Владыкою себе Цареубийцу
Мы нарекли.

А на полях написано: «Как Ленина. Рядом с монологом Бориса, завершающимся знаменитым: «Ох, тяжела ты, шапка Мономаха!», Бунин начертил: «Ленины да Сталины не терзайся!» В качестве иллюстрации я хочу дать и кусочек рукописи — например, работы Бунина над стихотворением «В жарком золоте заката Пирамиды...». В последние годы писатель многое правил по берлинскому Собранию сочинений 1934—1936 годов, выпущенному издательством «Петрополис», и делал пометы: для будущего издания — правка по тексту «Петрополиса».

— Но ведь в своем литературном завещании он просил считать эталонным именно издание «Петрополиса»?

— Эталонным, но только для определенных лет. Потом многое пересматривал, основательно правил и просил правку эту непременно учитывать. Что я и стараюсь делать. Я собираюсь воспроизвести и автограф стихотворения Бунина из Одесского областного архива (оно было опубликовано в газете 22 декабря 1918 года); там есть строки:

Довольно слез, что исторгал злодей
Под этим стягом «равенства и счастья»!
Довольно площадных вождей
И мнимого народовластия!

В альбом фотографий войдут портреты, изображения мест во Франции, где жил Бунин, и виды старой Москвы. Кроме того, хочу поместить в томах фотографии обложек некоторых книг, присланных мне вдовой Ивана Алексеевича — Верой Николаевной Муромцевой-Буниной и другими эмигрантами, с которыми я переписывался: «Темные аллеи», вышедшие в Париже при жизни писателя, в 1946 году, или «Весной в Иудее» и «Роза Иерихона» (издательство имени Чехова, Нью-Йорк, 1953), где Вера Николаевна указала: «Перенесены все поправки автора». Такого экземпляра нет нигде — ни в Российской государственной библиотеке, ни в других архивах.

— В 1989 году вам удалось издать книгу В. Муромцевой-Буниной «Жизнь Бунина». В годы, когда Вера Николаевна работала над ней, вы переписыва-

лись. Свидетельство тому — ее благодарность вам за присланные ей материалы. Знаю, что обмен этот был взаимным. Когда началась ваша переписка и много ли материалов сумела передать Вера Николаевна?

— Первое письмо я отправил в 1956 году, ответ получил в начале 57-го. А длилась переписка вплоть до 1961-го, когда она скончалась. Что до материалов, то это большая тема. Несколькими раз Вера Николаевна писала: «Приезжайте! Вы возьмете много материалов для биографии Ивана Алексеевича». Но тогда это было совершенно немисливо. И несколько позже, когда меня звал приехать Леонид Зуров, унаследовавший архив, меня тоже не выпустили. А ведь в Париже должны были состояться наши переговоры о передаче архива Бунина в Москву.

— Какова судьба архива после смерти Зурова?

— По завещанию архив попал к Милие Эдуардовне Грин, она передала его в университет города Лидс в Англии.

— С кем еще из тех, кто знал Бунина, вы переписывались?

— С Георгием Адамовичем, Борисом Зайцевым, Андреем Седых, Т. Д. Логиновой-Муравьевой, с доктором Зерновым, лечившим Бунина, С. Ю. Прегель, Сергеем Лифарем, С. Н. Кузнецовой и другими.

— Отрывки из «Грасского дневника» Галины Кузнецовой — женщины, которую Бунин любил, — были в свое время напечатаны в бунинских томах «Литературное наследие». Легко и живо написанный дневник передает атмосферу дома Буниных в Грассе и, главное, фиксирует высказывания самого Бунина.

— Сейчас я подготовил к изданию «Грасский дневник». Книга выйдет в «Московском рабочем» (она уже набрана) и будет также включать некоторые рассказы и сборник стихотворений Кузнецовой «Оливковый сад». Предисловие написано на основе моей переписки с Галиной Николаевной. В 1973 году по случаю 20-летия смерти и 40-летия присуждения Нобелевской премии в Грассе проводились дни Бунина. Я был официально приглашен мэром Грасса. Однако тогдашнее руководство Союза писателей не разрешило мне поехать. А между тем Кузнецова сообщила в письме, что на этих торжествах она намеревалась передать мне письма Бунина к ней. Случиться этому было не суждено. Галина Николаевна умерла, а о судьбе ее архива я ничего не знаю.

— В далекие 60-е первый том девяти-томника Бунина открывало смелое для того времени, а многими своими фрагментами не устаревшее и сегодня предисловие А. Т. Твардовского. Какие статьи вы хотите поместить в новом Собрании сочинений?

— Все тома будут предваряться мало известными у нас или не публи-

ковавшимися работами писателей и философов-эмигрантов. Первый том (он уже в корректурах) открывает фундаментальная статья Федора Степуна «Бунин и русская литература», написанная в 1951 году и одобрительно встреченная самим писателем. Перечислю авторов других статей: Вл. Ходасевич, Б. Зайцев, Г. Адамович, М. Алданов, П. Пильский, Л. Ростовский, Саша Черный, Л. Галич...

— За счет каких источников будет пополнено исвое собрание Бунина?

— Прежде всего за счет «замолчанного Бунина». Так, кстати, называется предисловие к книге рассказов и статей «Под серпом и молотом», присланной мне Сергеем Павловичем Крыжицким (канадское издательство «Заря», 1933). Многие из нее войдет в наше издание: статьи о Французской революции «Андре Шенне», «Камилл Демулен», рассказ беседа на религиозную тему «Notre Dame de la Garde»... Или другие: фрагменты из бунинских «Странствий» публиковались в «Литературном наследии». По всем данным, это произведение называлось у Бунина «Под серпом и молотом» — такая глава входила в «Странствия». В своем полном виде оно тоже впервые появится в Собрании сочинений. Кроме того, в Париже скоро должна выйти книга, составленная на основе парижского архива Бунина — не опубликованные ранее рассказы, стихи, статьи. Поскольку парижский архив хранится в Лидском университете, он и осуществляет это издание. Нам бы очень хотелось включить материалы из него в наше собрание, возможно, в качестве дополнительного тома. Я читал эти вещи, когда сотрудник архива привозил их мне для атрибуции. Еще в наш 8-томник войдут не включившиеся в собрания сочинений «Окаянные дни», полностью «Третий Толстой» и статьи, впервые опубликованные мной в книге «Окаянные дни». Текст «Окаянных дней» подготовлен по экземпляру из Российской государственной библиотеки с бунинской стилистической правкой, с расшифрованными писателем именами. Прошу не путать эту книгу, изданную «Советским писателем», с другой, вышедшей в том же 1990 году и под таким же названием в библиотеке журнала «Литературное обозрение». Это пиратское и безграмотное издание, о котором я узнал случайно, хотя на книге значится: подготовка текста и примечания А. Бабореко. Текст «Окаянных дней» не выверен, авторская правка в нем совершенно не учтена!

— Значит, в Собрание сочинений войдет все, созданное Буниным?

— Конечно, нет. Скажем, сам писатель не хотел, чтобы публиковались совсем ранние его вещи — это я и не делаю, Вера Николаевна как-то написала мне, что Бунин ненавидел «гробкопателей», выскисывающих слабые, едва ли не детские рассказы и публикующих их.

— Будет ли том писем?

— Не будет, к сожалению, писем (впрочем, они широко использованы в комментариях) и переводов — объем издания ограничен. Исключением составят «Песнь о Гайавате» — перевод этой поэмы Лонгфелло еще до революции входил в программы народного образования... Может быть, мы доживем до того дня, когда и у нас Бунина будут изучать в школе?

Беседу вел
Наталья
ИВАНОВА-ГЛАДИЛЬЩИКОВА